

Восток и Запад. Отличие базовых представлений о мире

Строение социальных систем и деятельности очень разные в восточных и западных странах. Можно видеть как в истории Европы постепенно происходила дестабилизация этно-родовых социальных систем, что проявлялось в активном смешивании народов, в миграциях и социальных революциях. Внешней причиной этого было накапливающееся рассогласование традиционных этно-родовых систем с разрушаемой биосферной средой. Особенно активно это происходило в регионах Средиземноморья, привлекавших к себе массы народов, которые получали от природы легкую добычу и разрушали ее своим безмерным потреблением. Экологический кризис становился основой неуспеха традиционной жизни этноса. Затем следовали миграции, войны, смешение народов, разрушение прежних социальных структур. Именно смешение народов приводило к взаимной рефлексии их культур, к переходу от внешних форм агрессии общества к самоагрессии, к развитию рефлексивной культуры, науки и психологии.

В Азии условия жизни определялись более жесткой и трудоемкой природной средой. Эти условия требовали оберегания природы, не привлекали захватчиков и мигрантов, требовали сохранения традиций деятельности и сложных иерархизированных структур общества. Люди здесь сохраняют свои жесткие связи с обществом, не стремятся к индивидуальной организации деятельности. В религиях отсутствует стремление сравнивать себя с Творцом мира. Здесь нет благоприятных условий для развития рефлексивной культуры и проявления амбиций творческого овладения миром.

Западные психологи создали упрощенные представления о строении деятельности человека. Эти представления применимы к деятельности лишь одинокого индивидуалиста-мигранта. Человек якобы действует в направлении удовлетворения своих потребностей. Мотив есть предмет потребности исполнителя действия (А.Н.Леонтьев). Эти представления возникли уже как продукт разрушенного общества. В разрушенном социальном пространстве деятельность может разворачиваться по логике отдельного человека, реализует потребности индивида, выполняющего эту деятельность. На Востоке деятельность и действия выполняются людьми в плотном многоуровневом „интерпсихическом“ пространстве. Функции исполнителей действия, потребителей, координаторов, оценщиков или объектов потребностей распределены между многими людьми. Субъектом организации действий, и тем более деятельности, является не отдельный индивид, а целая группа, живой социальный организм. И энергия мотивации, и логика разворачивания деятельности определяются этим нелокальным организмом.

Идея индивида как субъекта деятельности — это европейская идея, западная по происхождению. В Азии субъектом деятельности обычно выступает целостная родовая

группа. Более того, эта группа тоже не чувствует себя субъектом, почитая как субъекта жизни природу, „дао“. Можно считать, что реальным субъектом всего является целостный космос. Люди действуют как часть космоса, природы, стремятся плотно сливаться с этим великим субъектом и не претендуют на покорение его и свою локальную субъектность. Индивид всегда — соучастник действия.

Целый ряд позиций в научных теориях связан с противостоянием восточного и западного мировоззрений. Так, можно сразу выделить ассимилятивный способ понимания мира на Западе и аккомодативный на Востоке. Западный человек стремится для понимания явления разместить его в своих умственных схемах и категориях, начать использовать предмет по логике своих действий. Восточный человек (китаец, японец, частично мусульманин) старается при понимании объекта уподобить себя его логике и движению, стремится воспроизвести своими психическими процессами логику понимаемого. Активное стремление захватить и применить характерно для понимания европейца. Подстраивание к объекту — для азиата. Опыт покорения природы на Западе или же опыт приспособления деятельности к требованиям природы на Востоке. Бунт личности или же социальная покорность.

Мышление развивается как способ решения противоречий, возникающих в системе образов мира. Рассогласование образов, „плохие гештальты“ заставляют западного человека размышлять, строить концепции и конструкции, „наводить теоретические мосты“ между компонентами образа с помощью логики речи и общественных понятий. Слово для европейца — Бог. Это Логос древних греков, одновременно слово и закон мира. „Вначале было Слово“ и у иудеев, и у христиан. Научные концепции строятся на основе „устойчивых“ понятий, требуют логической стройности и не позволяют многозначности и размытости словесных конструкций и понятий.

Иначе решается противоречие образов у восточного человека. Здесь изначально нет доверия к слову, поскольку слово многозначно и зависит от ситуации, от состояния слушателя. Слушателю говорится так, как он может понять, и от самого слушателя зависит, что же понимается им из слов. Поэтому слова не могут быть устойчивыми конструкциями ума. Образы текучи, они всегда „интерпсихические“. Зачем их фиксировать в тексты? Ни суфии, ни индийские и китайские мудрецы не стремились записывать свои идеи. Логика мысли всегда была порождением конкретной ситуации, и только в ней имела смысл.

Появление мысли связано с напряжением от противоречия образов. В восточной культуре противоречие образов обычно решается не выстраиванием согласующих образы теоретических конструкций, а девальвацией образов и снижением уровня субъектности человека. Ведь человек — только частный и временный субъект, а реальный субъект всего — это мир, дао, космос, природа. Если у вас есть противоречие чувств или взглядов, то лучше от них полностью отказаться и отдать решение судьбе или тому субъекту, который реально организует твою жизнь. Один из способов решения проблем — это медитация, уход от образа, расширение пространства образов с уходом от плохой реальности. Или покорное ожидание решения по типу аккомодации и согласия. Поэтому построение научных теорий и стабильных концепций — вовсе не в

логике восточного решения проблем. Все такие конструкции оказываются эфемерными и относительными к моменту. Конструирование, фиксация и навязывание своих теорий — это сладкий самообман самовлюбленных шизоидов. Беседа с самим собой.

Типичное отличие западных и восточных теорий — это атомизм и холизм. Для западного человека, претендующего на свою субъектность, атомизм дает уверенность во власти над миром. Восточному человеку странно исходить в понимании природы из отдельных маленьких элементов. Он всегда ощущает присутствие невидимого целого, к чему он причастен. Глупо верить в изначальную самоорганизованность отдельного элемента мира.

Мудрость восточных философов учит не верить видимости вещей, искать за всякой видимостью нечто неявное. Антисенсуализм можно считать одной из особых ценностей Востока, жемчужиной всех наставлений, притч и афоризмов. Только глупый человек опирается на видимость вещи. Мудрец видит относительность образа. Субъективность и психологичность всякого теоретизирования — это обязательная компонента восточного понимания концепций. Для современной научной психологии — это еще только осваиваемая методологическая схема анализа концепций.

Восточно-западный вектор противостояния невозможно соотнести с локальной географической границей. Речь здесь может идти именно о векторе направленности мировоззрения. Противостояние запад-восток заметно и в европейских классических научных дискуссиях. В 17-19 веках английские философы и ученые утверждали более атомистические и сенсуалистические позиции, а немцы, наоборот, излагали более восточные взгляды на целостность духа и деятельности. Для Гегеля, Шеллинга и Шопенгауэра целостность духа и мировой субстанции была более значима, чем локальный атомизм. Если для англичан проблема целостности их социума решалась четкими границами их острова, то для немцев всегда существовала угроза их рассыпания на отдельные земли. Идея целостного духа витала над ними от Гегеля до Гитлера. Концепции немцев более холистические и менее сенсуалистические, а концепции Локка, Юма или Беркли атомистичны и сенсуалистичны даже в субъективном идеализме. Дискуссия физика А.Эйнштейна и школы копенгагенских физиков Н.Бора тоже выражает вектор „восток-запад“. Эйнштейн считал, что следует рассматривать частицы как порождение целостных полей, а Бор считал, что исходить нужно из локальных частиц, порождающих физические поля.

В психологии дискуссия московской и ленинградской школы тоже идет по вектору „запад-восток“. Питерцы — более верные последователи сенсуализма, атомизма и прочих западных позиций. Они понимают психику через отдельные ощущения или рефлексy и их комбинацию. Это и В.М.Бехтерев, и Б.Г.Ананьев. В концепциях ленинградских психологов, обычно индивид определяет своими взглядами строение деятельности и общества. В московской школе развивается идея нелокальной деятельности как основы психики. Л.С.Выготский указал на возникновение „интрапсихического“ из „интерпсихического“ и развил концепцию социальной детерминации психики, что вполне понятно восточному человеку, живущему в этом „интерпсихическом“ поле. Питерская позиция несет стремление к равенству,

независимости и индивидуализму, что характерно и для американцев, воюющих „за свободу личности“. Москва же несет на себе подсознательную ответственность за сохранение целостности России. Холизм и образы объединяющего духа московским психологам ближе, чем атомизм.

Естественное возникновение теории обычно идет от неясного образа к постепенной его дифференциации, с выделением компонентов образа, узлов и связей. Строгая система понятий возникает только на конечных стадиях организации теории. Но требования западной методологии теоретизирования определяют противоположный путь изложения логики. От определения и заданности отдельных понятий как элементов теории — к конструированию целой концепции из этих элементов. Требования научного теоретизирования создают противоположность естественной логике возникновения теории. Следование принятой логике атомизма? Или стремление скрыть субъективную логику конструирования теории? Западный теоретик старается подать свою теорию не как естественное порождение частной социальной детерминировавшей ситуации, а как априорное произведение, имеющее почти сверхестественное происхождение. Получено непосредственно от Бога.

Психологи избегают излагать свои теории как ситуативные порождения субъективного ума и детерминирующих психологических процессов. Как должны в принципе строиться психологические теории? Следует ли далее избегать раскрытия мотивационной детерминации теоретических образов и представлений? Следует ли далее подыгрывать научным правилам изложения концепций, с запретом на рефлекссию и раскрытие психологических механизмов порождения этих концепций? Или нам пора раскрывать истинную логику организации концепций как субъективных образов мира, детерминированных мотивами и жизненными проблемами авторов и потребителей теории?

Не начать ли психологии осваивать в своем теоретизировании опыт организации деятельности и образов в восточных культурах? Не просто излагать восточные позиции как экзотические и странные, а осмыслить природу нелокальных систем организации образов мира, функционирующих в восточных структурах деятельности, где никто не является индивидуальным субъектом, где деятельность и образы текут в „интерпсихическом“ пространстве коллективного субъекта.